

ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

(Отрывки изъ стараго дневника).

I. По забытому тракту.

Въ настоящее время рѣшено строить желѣзную дорогу отъ Ташкента на Оренбургъ. Скоро двѣ блестящія полоски рельсовъ лягутъ на могучую ширь средне-азіатской равнины, и быстро двигающійся въ вагонѣ полусонный путникъ, жалующься на медленность движенія и слишкомъ большія остановки на станціяхъ и проч., будетъ какъ то безслѣдно для себя, безъ впечатлѣній, не живя душой и не вдыхая полной грудью животворнаго могучаго воздушнаго простора пустыни, проѣзжать около 2,000 верстъ, съ ужасомъ рассказывая затѣмъ о скучиѣйшей, унылой, тоску нагоняющей мѣстности, которую онъ созерцалъ изъ окна вагона.

А было время, и старый оренбургскій трактъ жилъ своею жизнью, и жизнью крайне своеобразной. Времени на проѣздъ, смотря по мѣсяцу года, погодѣ и количеству проѣзжающихъ, казенной или простой подорожной, и проч., требовалось отъ 10—15—20 и болѣе дней, а такой періодъ жизни въ тарантасѣ, конечно не можетъ пройти безслѣдно, въ однообразномъ будничномъ теченіи обыкновеннаго нашего существованія.

Оренбургскій трактъ началъ предаваться забвенію со времени проведенія до Самарканда Закаспійской желѣзной дороги, но лично мнѣ, въ 1886 и 1887 гг., не разъ пришлось проѣхать его. Пусть эти нескладныя строки маленькаго согрѣтаго солнцемъ дневника, напомнятъ товарищамъ по пути эту безконечную равнину, которую

приходилось созерцать нѣлыми сутками. Эти переливы свѣта и тѣней, этотъ воздушный голубой просторъ, загоравшійся ночью мириадами какихъ то особенно яркихъ звѣздъ, и дышать въ которомъ казалось не хватить силъ легкихъ. И зимній бурашъ, и лѣтній зной, когда жгучіе лучи казались насъвозъ прожигали поднятый верхъ тарантаса, и длинныя вереницы верблюжьихъ каравановъ, на которыхъ съ размаху налетаетъ ваша тройка, и неуклюже жмутся и сторопятся бѣдные животныя, провожая васъ долгимъ задумчивымъ взглядомъ, какъ бы недоумѣвая, куда это мчится такъ человѣкъ по этой пустынѣ, которой вѣдь нѣтъ на свѣтѣ конца! И желтую мутную Дарью, и 100 почтовыхъ стаций со старостами, ямщицкимъ гвалтомъ и съ традиціонно печищеннымъ, но драгоценнымъ въ пути самоваромъ. Забудутся, конечно, мелкія житейскія лишенія и невзгоды длиннаго первобытнаго пути, но всегда останется въ памяти тотъ приливъ душевной бодрости и физическихъ силъ, съ которымъ пигмей человѣкъ пройдетъ какія угодно пустыни, къ сожалѣнію, только часто забывая помянуть Высшаго Творца, создавшаго все это безконечно-разнообразное великолѣпіе природы. Итакъ, «во имя Бога милостиваго и милосерднаго», какъ говорятъ мусульмане, приступая ко всякому дѣлу, въ путь по старому забытому тракту.

Оренбургъ, 10-го ноября 1886 г.

9-го ноября, въ 11 час. ночи, доѣхали мы до Оренбурга. Такъ какъ ночь темная, то съ вечера я ничего не разсмотрѣлъ, но минуть и въ темнотѣ замѣтилъ, и возблагодарилъ Аллаха за счастливое начинаніе нашего длиннаго пути. Хорошо спалось послѣ долгаго пребыванія въ вагонѣ; померъ въ Европейской гостинницѣ, гдѣ я остановился, очень чистый, на рѣдкость для губернскаго города.

Слѣдующій день былъ днемъ заботъ и хлопотъ по приготовленію къ дальнему пути, но все-таки намъ съ Г. удалось прокатиться на саняхъ по городу. Успѣли повидать и бухарцевъ въ гостинномъ дворѣ, съ ихъ важнымъ видомъ аристократовъ Средней Азии; и казакскихъ татаръ-торгашей и, наконецъ, кочевниковъ-киргизовъ, въ ихъ мѣховыхъ малахаяхъ, на коняхъ и на верблюдахъ. Кабая смѣсь одеждъ, парфумій, состояній. На дворѣ морозитъ, и ѣздить на саняхъ, по улицамъ страшнае ухабы и частію лужи отъ вчерашней оттепели. Въ одномъ мѣстѣ, нашъ мальчишка-извозчикъ визжикъ не могъ повернуть свою упрямую лошадь, такъ что идущій на встрѣчу верблюдъ, чуть-чуть не вступилъ своей громадной закорузой позиціей намъ въ сани. Верблюдъ злобно посмотрѣлъ на насъ, и я думалъ, что не-

медленно оплюетъ онъ всю нашу гвардейскую форму, но обошлось благополучно. Бѣднымъ верблюдамъ теперь очень холодно и они ходятъ завернутыми въ разное тряпье. Чрезвычайно оригинальны киргизы въ своихъ зимнихъ малахаяхъ; тотъ же неизмѣнный видъ сохранили они можетъ быть нѣсколько столѣтій: сейчасъ видно, что это кочевникъ; сидитъ онъ какъ дома на своей лохматой, бодрой лошаденкѣ, и чувствуешь, что сотни, тысячи верстъ проѣдетъ онъ такъ по своей громадной, киргизской степи.

Общая паружность города мало обращаетъ на себя вниманія, въ особенности зимой, но нѣкоторыя мѣста имѣютъ видъ уже чисто восточный, таковы караванъ-сарай и гостиный дворъ. Пестрое поселеніе, патающее по широкимъ улицамъ этого степнаго города, но истинно интересно. Видѣлъ я нѣсколько женщинъ съ надѣтыми на голову халатами, онѣ здѣсь не особенно блюдутъ заповѣдь пророка и не отварачиваютъ лицъ своихъ отъ любопытныхъ глазъ проѣзжаго. Я самъ отварачивался и не смотрѣлъ, дабы показать симъ женамъ востока, что я тоже по восточному образованъ и знаю приличія свѣта. Все меня очень интересуетъ, но тутъ я вижу только начало востока, какъ же будетъ интересно забраться въ самый центръ. Видѣлъ я и киргизку верхомъ на верблюдѣ, въ чрезвычайно неудобномъ для дамы положеніи. На улицѣ привѣтствовали почтенныхъ мусульманъ «селямомъ».

Немедленно послѣ обѣда, понеслись мы за покупками и поспились по лавкамъ до наступленія полной темноты. Купили валенки, рукавицы, закуски; у К... будутъ на дорогу заготовлены въ сыромъ видѣ шельмени, на морозъ онѣ не испортятся, а опущенныя въ кипятокъ дадутъ сытное блюдо; конечно, это очень удобно, но возможно только зимой. Вечеромъ пришелъ бухарець-маклеръ, съ которымъ я объяснялся по-персидски: завтра онъ явится ко мнѣ съ утра, ибо главнаго мы еще не купили, а именно, необходимаго намъ второго экипажа для моего человѣка Ивана, такъ какъ мы съ Г... поѣдемъ въ одномъ тарантасѣ. Надо торопиться; въ среду, 12-го ноября, хочу выѣхать далѣе.

Собственно говоря, положеніе наше довольно критическое. Пути никакого нѣтъ. Ставить-ли тарантасъ на полозья или возможно будетъ на колесахъ пробраться, это вопросъ, котораго никто рѣшить не можетъ. Одни говорятъ, надо ѣхать на полозьяхъ, другіе удостоверяютъ, что до Орска и на колесахъ можно проѣхать. Я склоняюсь то въ пользу одного мнѣнія, то другого. Ужасно не хочется ставить на полозья; и тяжело и дорого, рублей 30 съ экипажа за-

плотинь, чтобы потомъ въ степи бросить; съ другой стороны, опасаясь, что не проѣду и изломаю тарантасъ или придется лошадей по пяти впрягать, тоже дорого. Завтра долженъ рѣшить окончательно. Постановка на полозья задержать въ Оренбургѣ на сутки, если не болѣе: кажется, рискну на колесахъ. Очень неудобное время для путешествія, не дай Богъ никому; на дворѣ холодно и непривлекательно. Тулуна я не покупаю. К. даетъ мнѣ что-то вроде дохи и я беру съ собой мою шинель, а подъ дохой теплое пальто. Купилъ себѣ киргизскую теплую шапку, въ которую вся голова уходитъ, но не на киргиза похожъ я, а на самоѣда какого-то.

11-го ноября.

Сегодня съ утра день выпалъ яркій, зимній, морозу до 9°. Снѣгъ такъ и хруститъ подъ ногами и скатертью лежитъ дорога. Утро вечера мудренѣе и мнѣ стало совершенно ясно, что ѣхать надо на полозьяхъ. Пришелъ бухарецъ и сообщилъ, что пріѣхали изъ Ташкента другіе бухарцы и говорятъ, что вездѣ санный путь, вплоть до Казалинска. Захвативъ бухарца, отправился я на почтовую станцію, гдѣ меня почти отказались везти на колесахъ. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ перенетій вопросъ рѣшенъ—ѣдемъ по зимнему. Тарантасъ ставится на полозья, а для Ивана в части вещей купилъ на дѣшномъ дворѣ крытую циновкой кибитку; гдѣ-нибудь далѣе, когда уже нельзя будетъ ѣхать на саняхъ, купимъ что нибудь вроде тарантаса подешевле, а мой тарантасъ на колеса поставимъ.

Морозецъ знатный, насъ кое-гдѣ проберетъ порядочно; снѣгъ такъ ослѣпительно снѣгъ, что громадные синія очки мои, которые вызывали нѣкоторыя насмѣшки въ столицѣ, будутъ очень кстати.

Понесившись по разнымъ базарамъ, я со своимъ бухарцемъ отправился въ гости къ новопрѣхавшимъ бухарцамъ-кушамъ. Въ комнатѣ, безъ всякой мебели, на полу, устланомъ коврами, сидѣли снѣ мужи востока, въ грязныхъ домашнихъ халатахъ и тобетейкахъ. По серединѣ, на достарханѣ, т. е. на развернутой на коврѣ нестрой салфеткѣ, стояло громадное металлическое блюдо съ палау (пловъ, пилавъ). Послѣ привѣтствій я усѣлся по-турецки и около двухъ часовъ провелъ въ разговорѣ на персидскомъ языкѣ. Мои собесѣдники убѣдились, что человекъ я знающій и все между собой перешептывались: «снѣ адем китабиестъ», т. е. это человекъ книжный. Надо сказать, что собесѣдниковъ моихъ было пять человекъ и каждый изъ нихъ ѣлъ своими пятью пальцами, мнѣ дали деревянную ложку; пловъ, который сначала имѣлъ цвѣтъ бѣлый, къ концу

сталъ сѣрый отъ пальцевъ ихъ. Омывъ руки въ чашкѣ съ водой, подали чилимъ, т. е. кальянъ. Надо имѣть громадную привычку, чтобы курить этотъ чилимъ, я только разъ, и то съ большимъ трудомъ, могъ затянуться изъ общаго для всѣхъ мундштука. Держалъ я себя съ восточнымъ достоинствомъ и удалился послѣ разныхъ благихъ пожеланій и приглашеній. Между прочимъ, они окольными путями спросили меня, женатъ-ли я, на что я отвѣчалъ, что «обстановка» моя пріѣдетъ послѣ; такъ требуетъ восточный этикетъ. Я стараюсь не терять времени и практически знакомиться съ востокомъ.

Оренбургъ, 12-го ноября.

Завтра, часовъ въ 11 утра, тронемся на Орскъ и пойдетъ безконечная дорога. Я думалъ выѣхать пораньше, но постановка тарантаса на полозья задержала, его только завтра привезутъ ко мнѣ. Я далъ мастеру часть денегъ впередъ и онъ до того напился, что не только чужихъ, но даже своихъ до сего дня не узнавалъ. Сегодня выпало много снѣгу, санный путь отличный, но погода стала много мягче, всего 2° мороза. Сегодня мнѣ было мало заботъ, ибо все готово, кромѣ тарантаса и я такъ себѣ странствовалъ по городу. Бухарецъ Мир-Шараф-Мир-Азизовъ сопровождаетъ меня всюду по Оренбургу; отличная практика въ персидскомъ языкѣ.

Въ городѣ все знаютъ: кто, куда и откуда. Какой-то полковникъ просится въ полутяжки, а одинъ милый человекъ проситъ посылку въ Ташкентъ отвезти, въ полтора пуда всего. Я долженъ былъ отказать обоимъ по невозможности исполнить ихъ требованій.

Завтра покидаемъ мы Европу и сгрустнулось обоимъ. Выпили мы шампанскаго за оставшихся, за счастливый путь и возвращеніе.

14-го ноября, Орскъ.

Доѣхали благополучно до Орска, куда прибыли въ 1 часъ ночи при страшномъ буряѣ. Потерявъ дорогу, мы блуждали болѣе двухъ часовъ. Выѣхали мы изъ Оренбурга, какъ предполагалось 13-го числа въ 11 час. утра. Ѣхали вообще скоро, дѣлая по 180 верстъ въ сутки, несмотря на разныя приключенія въ пути.

Бодро пустились мы въ путь, но главное неудобство моего тарантаса скоро дало себя почувствовать, именно его узкость: намъ съ Г. до того въ немъ тѣсно, что мы лишены всякаго свободнаго движенія, да еще въ зимнихъ одеждахъ, такое положеніе чрезвычайно утомительно. Вообще тарантасъ только для одного человека, а надо ѣхать вдвоемъ. Вчера ночью, около станціи Гирьяльской, по-

нали въ зажорипу—глубокая лужа, образовавшаяся на днѣ оврага отъ ростецеи; никакія силы не могли вытащить нашего тарантаса; но счастью шель обозъ, и получивъ на чай, обозчики на себѣ вытащили тарантасъ обратно, снова запрягли лошадей и благополучно переѣхали зажорипу въ другомъ мѣстѣ. Почти темный, хорошо еще что снѣгъ бѣлѣеть, кое-что видно. Затѣмъ насъ лихо катили въ темнотѣ. Надо сказать, что ямщика, влетѣвшаго въ зажорипу, звали Хобахей—татаринъ: его рекомендовали какъ хорошо знающаго дорогу: послѣ этого приключенія имя Хобахей стало у насъ синонимомъ дурака. Подъ утро палетѣли на караванъ верблюдовъ, расположившійся на самой дорогѣ; лошади и верблюды перепутались, причемъ верблюды такъ отвратительно кричатъ, что я сразу, съ просонья, думаю, что это Ивана рѣжутъ; около получаса разбирались при страшномъ гвалтѣ и ругательствахъ киргизовъ-погонщиковъ, нашихъ ямщиковъ-татаръ и, наконецъ, нашихъ собственныхъ. Все это происходило около станціи Никольской. Каждый верблюдъ былъ запряженъ въ маленькія сани и чрезвычайно неповоротливъ. Но все это пустяки, эта первая безсонная ночь въ тарантасѣ ничего себѣ. Сегодняшній же перевалъ черезъ Губерли, гдѣ совѣтовали ѣхать днемъ, а мы поѣхали ночью, чтобы не терять времени и, гдѣ насъ засталъ буранъ, всегда останется въ нашей памяти. Было очень тихо, когда мы выѣхали со станціи Губерли, но версть черезъ 10, въ горахъ, когда стало совсѣмъ темно, задуть вѣтеръ и пошелъ крутить снѣгъ; дорогу потеряли немедленно. Сила вѣтра и гулъ по ущельямъ чрезвычайно неприятны; мнѣ казалось иногда, что подхватить тарантасъ и понесетъ его въ кручу. Нервы натянуты и тоскливое чувство могущей быть опасности гнететъ человека. Ѣхали, останавливались, крутились и собственно сами лошади чутьемъ проходили кое-какъ мимо обрывовъ. Воздухъ совершенно напоенъ несущимся снѣгомъ и, все кругомъ свистѣть, вертится и стонетъ. Я говорилъ Г., что сейчасъ прочтется поѣздъ смерти, какъ въ Фрейшницѣ. Какъ мы были рады увидать огни станціи Хабарной—трудно себѣ представить. Несмотря на продолжавшуюся мятель, я все-таки рѣшился добраться до Орска; около самаго города потеряли дорогу и, наконецъ, добрались до этого трактира (Россія), гдѣ пробудемъ до утра. Едва достучались. Клоповникъ ужасный, но мы такъ устали, что вѣроятно заснемъ и съ клопами. Питаемся плохо, больше чаемъ. Вообще ѣзда зимой въ этихъ краяхъ не представляетъ ничего привлекательнаго. Завтра утромъ ѣдемъ далѣе, на Карабутахъ. Мы очень замаялись съ перваго переѣзда въ 26,5 верствъ въ 1 1/2 сутки, но бу-

демъ и далѣе гнать день и ночь. По пути ничего не видали, все покрыто, какъ савагомъ, снѣгомъ. Нашъ тарантасъ идетъ четверкой, въ Губерли шли гусемъ. Иванъ на парѣ, тоже гусемъ.

Станція Токавъ, въ 27 верстахъ отъ Орска,
15-го ноября.

За весь сегодняшний день только 27 верствъ проѣхали. Дальше ѣхать нельзя, мететь и гудить верховой буранъ по всей киргизской степи, ровно ничего не видно, глаза залѣпляются; цѣлыхъ 5 часовъ тащились изъ Орска эти 27 верствъ и только къ вечеру на ст. Токавъ добрались. Здѣсь надо переждать буранъ, а когда онъ затихнетъ, неизвѣстно. Теперь сидимъ на станціи, мы, еще купецъ изъ Перовска, по фамиліи Озеровъ, и еще трое татаръ. Сидимъ и ждемъ у моря погоды: на дворѣ темнѣть кромѣшная, а еще только 5 часовъ; нашъ купецъ все поглядываетъ не стихаетъ ли; онъ челоуѣкъ бывалый и отлично знаетъ эти края; онъ и говоритъ: «коли буранъ къ закату притихнетъ, значитъ скоро станеть, а коли закатъ передуетъ, то долго будетъ свирѣпствовать, но нѣсколько сутокъ бываетъ». Вижу, что придется почевать, да какъ бы и болѣе не сидѣть. Отъ Орска собственно пошла степь киргизская; безкопечныя пространства; кое-гдѣ въ такъ называемыхъ урочищахъ зимуютъ киргизы. Но въ этой самой глухой степи устроены отличныя станціи, чистыя и просторныя. Стоить такая станція одна одинопонька, кругомъ только крытый дворъ и въ отдаленіи кузница. У Каразина очень вѣрны рисунки того, что мы видѣли до сихъ поръ. Первая изъ такихъ хорошихъ станцій, онѣ всѣ на одинъ маперъ, и есть Токавъ. Тутъ есть самоваръ, свѣчи, однимъ словомъ, никакого сравненія со станціями изъ Оренбурга до Орска. Тамъ какъ то глухо,—настояція пугачевскія мѣста эти проѣханныя нами казачьи станицы. Киргизы народъ симпатичный и, говорятъ, очень честный; изъ тарантаса здѣсь ничего не пропадетъ, между тѣмъ, до Орска надо было поглядывать. Купецъ Озеровъ нашъ спутникъ отъ самаго Оренбурга; кое-гдѣ разѣдемся, потомъ опять съѣдемся, вчера ночью на Губерли вмѣстѣ въ буранѣ путались.

Кажется, что стихаетъ, можетъ быть, тронемся, почевать-то не особенно удобно. Лошади маленькія, выносливыя, покуда еще нигдѣ недостатка въ нихъ не было; запрягаютъ скоро. Мы здоровы, только въ Орскомъ клоповникѣ съѣлъ какой-то бифштексъ, и теперь изжога, даже сода не помогаетъ. Чай сталъ пить стаканами, нужда научить.

Станція Тасты-бутаць 107 версть отъ Орска,
80 версть отъ Токана, 16-го ноября.

Вчера, къ 8-ми часамъ вечера, буранъ сталъ стихать и мы рѣшили попробовать счастья и ѣхать ночью. Двинулись четверья тройками, но проѣхали только 1¼ версты, далѣе ѣхать было буквально невозможно, дорогу замело, павалило громадные сугробы, всѣ рытвины и овражки занесло, темень адская. Тарантасъ купца Озерова застрялъ въ какой-то рытвинѣ и стоило большихъ трудовъ и около часу времени вытащить его. Собравшись на совѣтъ, рѣшили вернуться обратно. На возвратномъ пути, пристяжная въ тройкѣ у татаръ оборвалась въ овражекъ, ее вытащили и, наконецъ, вернулись, употребивъ на 2½ версты три часа времени. Расположились почевать въ станціонной компанѣ, я и Г... на диванахъ, остальная публика на полу.

Не важно было спать, но усталость взяла свое, и до 5-ти часовъ проспали мы. Сны посѣтили меня въ эту ночь и снились мѣста далекія отъ бураповъ, станцій, ямщиковъ; спилась уютная гостиная и кругомъ все милья, дорогія лица. Всю ночь вылъ буранъ и стучалъ ставнями, откуда-то доносились звуки колокольчика и, дѣйствительно, около 3-хъ часовъ почи пришла несчастная почта, она ѣхала 22 версты 14 часовъ. Я отдалъ почтальону свое письмо изъ Токана.

Къ утру стихъ буранъ и всталъ яркій солнечный день. Мы оставили купца и татаръ, имъ не хватило лошадей, а памъ дали, какъ ѣдущимъ по казенной подорожной, и пустились въ путь. Очень трудно было ѣхать, такая масса снѣгу, но мы погоняли и все-таки 80 версть проѣхали. Къ 5-ти часамъ вечера доѣхали до Тасты-Бутока. Опять приходится ждать утра, зги не видно, а буранъ падѣлалъ такія перемѣны на мѣстности, что никакъ дороги нельзя найти, и не желая путаться и почевать въ степи, я рѣшилъ остаться до утра. Намъ попадалось на встрѣчу много каравановъ верблюдовыхъ, они то, главнымъ образомъ, прокладываютъ дорогу по снѣгу; сегодня, какъ парочно, всѣ караваны разошлись по сосѣднимъ киргизскимъ кышлакамъ (зимовкамъ), и, вѣроятно, отдыхаютъ отъ вчерашняго бурана. На поверхности степи чисто и гладко; сами прокладывали путь, держась линіи телеграфа; но эта линія не всегда совпадаетъ съ возможностью проѣзда и пользоваться ночью телеграфными столбами можетъ быть рискованно, что мы вчера и испытали, когда тарантасъ купца попалъ въ рытвину. Очень нехорошее время для путешествія, и негостеприимно встрѣтила насъ степь; хотя холодовъ нѣтъ, морозу стоитъ не болѣе 4°, но при вѣтрѣ прохватываетъ. Этотъ недостатокъ мороза не служитъ намъ въ пользу, при переѣздѣ чо-

резъ степныя рѣчки. Сегодня, на примѣръ, уже на виду ст. Тасты-Бутаць, переѣзжали черезъ рѣчку Орь; мостовъ, конечно, нѣтъ, и ледъ такой зелено-синій и вода частью выступила: нечего дѣлать, разогнались и благополучно перескочили препятствіе шириной сажени въ три; не безъ душевнаго волненія проѣдывались такіе скачки: выкупаться вѣдь не очень пріятно, да и лошадь погубить можно. Почтовая станція отъ Орска до Терекли содержитъ купецъ Мякинниковъ. Станція, какъ я сказалъ, очень хороша, конечно, не вокзалы, но относительно. Для ббльшаго порядка, купецъ Мякинниковъ выгналъ ямщиковъ-киргизовъ, которые часто заѣзжали, возвращаясь назадъ, въ киргизскія зимовки и тамъ пропадали цѣлыми сутками и некому было возить проѣзжающихъ. На мѣсто киргизовъ, содержатель тракта нанялъ въ Россію ямщиковъ, на этихъ станціяхъ все больше изъ Тульской губерніи. Эти новые ямщики только 12 дней какъ водворились въ совершенно повою для нихъ мѣстѣ, слѣдовательно, дорогу еще плохо знаютъ, со степными лошадьми обращаться не умѣютъ, языка окрестныхъ киргизовъ не понимаютъ; нельзя надѣяться на такого ямщика, а тутъ еще и совсѣмъ пути нѣтъ. Сегодня, какъ запрягли они лошадей степныхъ гусемъ, такъ было и перевернули насъ. Вотъ какія перипетіи испытываемъ мы, и плохо двигаемся, а много, много еще версть впереди; 1,500 версть осталось до Ташкента. Г... подбодрился, но все повторяетъ: «привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло». Иванъ неутомимъ, но ужасно боится паденія киргизовъ, про которыхъ новые ямщики рассказываютъ ему ужасы: говорятъ, что киргизы изъ саней аркамомъ вытаскиваютъ нутниковъ и Иванъ, съ револьверомъ на поясѣ, всегда готовъ встрѣтить опасность огнемъ. Татаръ и киргизъ мы совершенно не понимаемъ, впрочемъ, прислушиваясь внимательно, разбираешь отдѣльныя слова. Мнѣ киргизы симпатичны, но ужасно они любятъ кричать; трудно себя представить, какой гвалтъ поднимается каждый разъ, когда наша тройка палетасть на верблюжій караванъ. Вожатый дѣлнвъ и не желаетъ сворачивать съ пути и, наконецъ, свернуть цѣлый караванъ не такъ-то легко. Ямщикъ за версту начинаеть кричать и грозить кнутомъ, но это не помогаетъ: тогда онъ разгоняетъ лошадей и мчитъ прямо на караванъ, палетасть и быстротой движенія отталкиваетъ верблюдовъ съ дороги; надо видѣть съ какимъ страхомъ, какъ то подобрившись, уходить одинъ за другимъ торпѣливые верблюды, лошади не обращаютъ на нихъ никакого вниманія и мчатъ. Иногда залутаются, тогда приходится остановиться и разбираться, гвалтъ подымается страшный и по всей степи носется

гортанное «хей, хей, хей», крикъ верблюдовожатыхъ. По дорогѣ попадались киргизы-охотники верхомъ, съ притороченными за сѣдломъ убитыми зайцами. у одного я видѣлъ ихъ шесть. Типичная фигура въ малахатѣ. Здѣсь уже начинаютъ попадаться степныя туркестанскія борзые собаки, такъ называемые тазы. Великолѣпное животное, волка беретъ сразу. Вчера на станціи Токангъ у станціоннаго смотрителя видѣлъ такихъ собакъ. Онъ страстный охотникъ и держитъ ихъ нѣсколько. Великолѣпныя собаки, длина морды около фута, страшная хватка. Онъ держитъ ихъ привязанными, ибо въ мирное время онъ охотится за глупыми баранами, пасущимися въ степи и копчуютъ съ бараномъ сразу. Говорятъ, хорошій экземпляръ тазы стоитъ до 100 руб. Вотъ бы любителю охоты сюда въ степь, охотнику можно разгуляться, теперь самое время. Присутствіе кышлака можно чувствовать далеко въ степи по особому, для меня совершенно новому запаху горѣлаго кизяка. Юрть здѣсь еще мало, зимовки постоянныя, и состоятъ изъ землянокъ и какихъ-то хижинъ. Около Токана цѣлое селеніе съ деревянной мечетью крашеной въ зеленый цвѣтъ; на картѣ оно не помѣчено. Вода покуда очень хорошая, хотя уже начинаетъ имѣть соленый привкусъ, для предосторожности всегда пьемъ съ коньякомъ.

Фортъ Карабутака 17 ноября. 11 часовъ вечера.

Мы хотѣли вчера на станціи Таста-Бутака дожидаться разсвѣта, но не дождались, потому что рисковали къ утру остаться безъ лошадей и въ 2 часа ночи двинулись на станцію Сары-Камышъ. Ыхали долго въ темпотѣ, но добрались благополучно. Отъѣхавъ сажень 50 отъ Сары-Камыша, благодаря этимъ русскимъ ямщикамъ, мой тарантасъ попалъ въ яму и глубоко засѣлъ въ снѣгу. Усиліями ямщиковъ и киргизовъ, прибѣжавшихъ съ тутъ же лежащей зимовки, удалось его выкопать изъ снѣгу и ѣхать далѣе, потерявъ три часа времени. Сегодня проѣхали 107 верстъ до Карабутака. Какъ надоѣлъ этотъ глубочайшій снѣгъ трудно себѣ представить; сколько усилій стоитъ тащиться по нему безъ дороги, когда лошади вязнутъ выше колѣнъ. Я не могу описать Карабутака, ибо теперь почъ; это какое-то сборище хижинъ, но здѣсь должны стоять рота и полсотни казаковъ. Воображаю, какъ весела должна быть ихъ жизнь. Знаю только еще одно, именно, что здѣсь нельзя достать пива, а вода имѣеть уже довольно рѣзкій солоноватый вкусъ. Конечно, нашъ врагъ, степной буранъ заставляеть насъ ждать здѣсь разсвѣта, такъ и дуетъ, такъ и реветъ; мы попробовали было двинуться впередъ, но

принуждены были вернуться вспять. Завтра съ разсвѣтомъ тронемъ далѣе на Иргизъ; стали на долгихъ ѣхать, скорѣе бы добраться до Туркестанскаго края, на станцію Терекли, тамъ уже не будетъ снѣга, и проѣхавъ пески Каракумъ, можно будетъ быстро двигаться.

Осталось ѣхать:

Отъ Карабутака до Иргиза	177 верстъ
Отъ Иргиза до Казалинска	355 »
Отъ Казалинска до Перовска	352 »
Отъ Перовска до Ташкента	621 »

Казалинскъ. 21 ноября, 10 часовъ вечера.

Гостиница купца Морозова.

Въ Карабутака мы выждали до утра; буранъ стихъ. Затѣмъ благополучно добрался до Иргиза. Въ Иргизѣ надо было переставить тарантасъ съ полозьевъ на колеса, что и задержало насъ въ семь распрекрасномъ городѣ. И Карабутака и Иргизъ составляли когда-то грозныя твердыни противу кочевниковъ и ихъ степныхъ набѣговъ, но нынѣ собственно упряднены, хотя сохраняютъ какое-то подобіе укрѣпленій со старыми пушками и развалившимися валами. Въ Иргизѣ я особенно подробно осматривалъ крѣпость, ибо долженъ былъ повидать уѣзднаго начальника, которому ходилъ жаловаться на почтовые распоряженія: съ меня здѣшніе почтари за лишнюю лошадь хотѣли содрать.

Уѣздный начальникъ нашелъ ихъ требованіе несправедливымъ и соблюлъ мои интересы. Описаніе Бѣлогорской крѣпости въ «Капитанской дочкѣ» какъ нельзя болѣе подходитъ и къ этимъ забытымъ Богомъ мѣстамъ. Здѣсь начинаютъ уже встрѣчаться глинобитныя постройки съ плоскими крышами, строеніе общее всей Средней Азии. Ямщики все киргизы.

Колеса дали себя почувствовать послѣ относительно плавнаго бѣга полозьевъ; насъ растрясло порядочно, въ особенности когда со станціи Желавли начался солончакъ. Солончаки эти отъ бывшихъ дождей превратились въ глубочайшую грязь, а затѣмъ замерзли, образуя колена и кочки, ѣхать по которымъ дѣйствительное наказаніе: во 1-хъ, все боишься, что колеса тарантаса не выдержатъ, а во 2-хъ, тебя такъ трясетъ, что, кажется, душу всю вытрясетъ. Такова вся дорога отъ Желавли до Терекли, на протяженіи 38 верстъ. Станціи Джулось большая, деревянная. Станція Терекли—это граница Туркестанскаго края, около нея по дорогѣ стоятъ два столба, обозначающіе границу; я снялъ фуражку и перекрестился, вступая въ сей новый край дѣятельности моей. Со станціи Терекли начи-

наются пески Кара-Кумъ (черные пески). Самая безжизненная страна, никакой растительности, кромѣ колючки. Сыпучіе пески идутъ собственно отъ ст. Николаевской, черезъ Алты-Кудукъ, Акъ-Джупасъ и Сапкакъ. Мы пріѣхали на ст. Николаевскую ночью, я очень утомился и крѣпко заснулъ, какъ всегда полу-лежа въ тарантасѣ. Не знаю, сколько времени я спалъ, но проснулся во время ѣзды по чему-то мягкому: ѣхали рысью и безъ всякаго шума. Первое, что меня поразило это, что ямщика на козлахъ не было, а впереди воздымались какія-то апокалипсическія чудища. Это тарантасъ катилъ на верблюдахъ. Также запряженъ тройкой, ямщикъ сидитъ верхомъ на среднемъ и погоняетъ. Верблюды идутъ рысью прекрасно, но предпочитаютъ сбиваться на шагъ, и при ударѣ кнутомъ и понуканіи какъ-то особенно жалобно кричатъ. Маленькая дѣвочка — киргизка, отлично управляла своей громадной тройкой.

Въ пустынѣ о снѣгѣ нѣтъ и помину, одинъ песокъ безъ конца и песчаньяя же возвышенія, называемыя бархапами. Очень типично здѣсь среди песковъ видъ идущихъ верблюжьихъ каравановъ, что-то другое, чѣмъ встрѣчалось ранѣе, среди степей Оренбургскаго края.

Проѣхавъ ст. Бикъ-Баули, близость большой рѣки Средней Азіи, Сыръ-Дарья, дасть себя чувствовать: начинаютъ попадаться арки и слѣдовательно кое какая растительность. Холодной лунной ночью въѣхали мы въ Казалинскъ, снѣга нѣтъ, а морозъ значительный. Освѣживъ здѣсь провизію, трогаемъ сегодня 22 ноября далѣе.

Казалинскъ уже имѣетъ типъ восточнаго средне-азиатскаго города: низенькія, съ плоскими крышами мазанки, осѣненные тополями, узкіе неправильные проулки, арбы, верблюды, базаръ.

Фортъ содержится въ порядкѣ, валы имѣютъ внушительный видъ, внутри видны казенныя постройки, солдаты въ красныхъ кожанныхъ шароварахъ, вообще первый туркестанскій видъ. Въ Казалинскѣ увидѣли мы знаменитый Яксартъ, нынѣ р. Сыръ-Дарью. Быстро течетъ широкая (саж. 250) мутная рѣка, по ней шель ледъ, оттого вода такъ мутна, почти коричневая. Течетъ рѣка въ самыхъ пустынныхъ, песчаныхъ берегахъ и разстилаются за рѣкой безъ конца страшныя пески Кизиль-Кумъ.

Около самаго Казалинскаго форта красуются вытщепные на берегъ остатки бывшей Сыръ-Дарьинской флотиліи. Грустенъ видъ этихъ остововъ пароходовъ; нѣкоторые сохранили еще свои названія, таковы: «Перовскій», «Сыръ-Дарья», «Ташкентъ».

Около нихъ ходитъ часовой: удивляюсь, зачѣмъ хранить такую рухлядь. Гостиница въ Казалинскѣ помѣщается тоже въ низенькомъ

домикѣ, въ ней всего шесть номеровъ, одинъ изъ нихъ занималъ англичанинъ Добсонъ, кажется геологъ. Куда только не занесетъ англичанина; у него есть складная лодка, въ которой онъ рѣшается ѣздить по Сыръ-Дарьѣ на охоту.

Путь изъ Казалинска идетъ самой пустынной мѣстностью, часто попадаются и сыпучіе пески. Иногда только упылая мѣстность разпообразится видомъ глиняной мазарки или мулушки, т. е. гробницы какого-нибудь киргизскаго ишана или мужа святой жизни. Быстро проѣдешь мазарку и опять пустыня и не на чемъ остановить взора. Удивительно вліяніе пустыни: такая большая рѣка, какъ Сыръ-Дарья, ничего не можетъ сдѣлать съ песками и только могучей силой успѣваетъ пробивать себѣ русло среди нихъ.

На этомъ переѣздѣ отъ Казалинска до Перовска 352 версты (мы ѣхали двое сутокъ, но на ст. Акъ-Джаръ, около 9 часовъ, потеряли, сидя безъ лошадей), мы испытывали покуда самыя большіе холода, въ особенности ночью, мороза было болѣе 10° при холодномъ вѣтрѣ, вивата Сыръ-Дарья, по которой идетъ ледъ, рѣка во все время нашего пути идетъ рядомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога совершенно примыкаетъ къ рѣкѣ и съ нея-то дуетъ этотъ неприятный холодъ, днемъ же грѣетъ славно южное солнце. Дни стоятъ все великолѣпныя, ни одного облачка, ночью луна: будемъ ѣхать скоро и, выѣхавъ сегодня въ 9 часовъ вечера, думаемъ въ пятницу, 28 числа, быть въ Ташкентѣ.

Перовскъ. 24 ноября. 5 часовъ вечера.
У Дарьи Афанасьевны.

Наконецъ, добрались мы въ фортъ Перовскъ, къ Дарьѣ Афанасьевнѣ. Почтенная старушка Дарья Афанасьевна, радушно встрѣчаетъ она далекихъ путниковъ; сама хлопочетъ въ кухнѣ о столѣ проголодавшихся и готовить намъ супъ изъ перловыхъ крупъ и жареную говядину, кромѣ того, аппетитно шипитъ на плитѣ хорошій кусокъ баранины намъ на дорогу. Все это вкусно такъ въ дорогѣ, гдѣ холодная закуска надоѣла страшно. Дарья Афанасьевна живетъ въ Перовскѣ уже 30 лѣтъ, чуть ли не съ самаго завоеванія; всѣ ее знаютъ: даже киргизы знаютъ это имя, уморительно коверкая его. Рекомендовалъ намъ ее нашъ спутникъ купецъ, самъ житель Перовска. Сынъ Дарьи Афанасьевны фотографъ и только вечеръ мѣшаетъ намъ снять нашъ тарантасъ. Въ Перовскѣ гостиницъ нѣтъ и горячую пищу можно получить только у Дарьи Афанасьевны. Покуда нашъ ужинъ такъ пріятно шипитъ и жарится, я скажу нѣсколько словъ о нашей хозяйкѣ:

Если надо отыскать тигъ (тигъ пропавшій) Коробочки, то въ Перовскѣ можно его найти въ лицѣ Дарьи Афанасьевны. Домъ ея, какъ почти все дома въ Перовскѣ—глиняный, съ плоской крышей, и снаружи имѣетъ восточный характеръ, но внутри глубокой Русью пахнетъ: такъ тепло натоплено, образа съ лампадкама, по стѣнамъ олеографіи и фотографическія карточки въ рамкахъ, часы съ кукушкой и только восточные ковры нарушаютъ общій видъ. На диванѣ двѣ ангорскія пушистыя кошки. Наконецъ, дождались мы горячаго ужина. Утоливъ лютый голодъ свой, засѣли мы за чаекъ и слушали долгіе рассказы Дарьи Афанасьевны о старыхъ временахъ: какъ изъ Оренбурга ѣхала она на быкахъ, на пяти повозкахъ въ новый край, какъ тигры съѣли двухъ быковъ, какъ сама она въ камышахъ на Сырь-Дарьѣ съ тигромъ глазъ на глазъ встрѣтилась. «Густые, густые камыши облегли берега рѣки, солнце палило немилосердно», рассказывала Дарья Афанасьевна, «ѣхала я съ уральскими казаками въ Ташкентъ и всю дорогу кушали мы балыкъ и жажда одолѣла невыносимая. А была у одного казака лошадь вороная, крупная, хорошая такая, и пропала за ночь эта лошадь. Казаки поѣхали все въ пески искать ее, думали, что оторвалась и убѣжала. Осталась я одна при обозѣ, жажда томить страшная, и думаю я, возьму чайничекъ, перейду барханъ песчаный, проберусь черезъ камышъ и водицы изъ рѣки въ чайничекъ наберу. Отправилась, въ камышъ забралась, до воды недалеко. Въ воздухѣ такъ тихо, пекло, и камышъ не шевелится. Почерпнула я водицы, назадъ идти надо, смотрю я, что это камышъ какъ разъ около меня какъ будто отъ тихаго вѣтерка шевелится, такъ и покачиваются наверху мохнатыя кисточки, а вѣтерка и вспоминѣ нѣтъ. Раздвинула я рукой густой камышъ, а онъ тутъ и лежитъ,ловица громадная, желтыми глазами щурится, а хвостомъ такъ по камышу и поигрываетъ, и шевелится отъ этого камышъ. Бросила я чайникъ, да ходу, бѣгу, ноги подкашиваются, въ какую сторону, не знаю. Набѣжала на лошадь вороныцкую, лежитъ дохлая, обѣ заднія ноги отъѣдены. Не погнался за мной тигръ, видно сытъ былъ, да отдыхать, а хвостомъ какъ кошка шевелилъ, отъ неудовольствія, должно быть думалъ, не пришла-ли я его добычу трогать».

Рассказъ этотъ, слышанный нами отъ простой женщины, въ передачѣ ея не отзывался ни Майнъ-Ридомъ, ни Кунеромъ и потому записалъ я его.

Конечно, много говорили мы о тиграхъ, которыхъ теперь уже нѣтъ собственно; но Дарья Афанасьевна сообщала, что глупо те-

перь поступаютъ, что перестали за убитаго звѣря 25 руб. давать, снова разводить эту кошачью породу и что уже опять начинаютъ они появляться въ окрестностяхъ Перовска.

Пришелъ еще знакомый Дарьи Афанасьевны чиповникъ; онъ съ малолѣтства въ этомъ краю и ни онъ, ни Дарья Афанасьевна никогда желѣзныхъ дорогъ не видывали, вотъ такъ тиги! Въ настоящее время Дарья Афанасьевна приготовляетъ и торгуетъ окороками дикихъ кабановъ, которыхъ много шляется по Сырь-Дарьѣ, а также фазанами.

Отъ Перовска ѣхали мы день и ночь безъ остановокъ; погода была чудесная, дни теплые, солнце такъ и грѣетъ, хоть въ сюртукѣ, одномъ ходи, но за то ночь холодная, морозная и къ утру насъ прохватывало порядочно. Отъ Перовска льду на Сырь-Дарьѣ не было, рѣка совершенно чистая, но мѣстность до самаго г. Туркестана чрезвычайно однообразная и пустынная. Везуть хорошо, но насъ не мчали такъ, какъ у Карантина описано. Иванъ неутомимъ и хорошо распоряжается, страхъ нападеній у него прошелъ. Нашелъ у него свистокъ и по этому свистку оба наши экипажа, а когда былъ съ нами купецъ, то и его одновременно двигались отъ станціи: порядокъ этотъ сохранялся нами до самаго Ташкента. Такая кондукторская обязанность очень ему правилась, киргизы называли его бариномъ и очень большой почетъ къ нему имѣли. Мы же ѣхали какъ священные идолы какіе, рѣдко вылѣзая, ни говоря ни слова, ореолъ таинственности и важности окружалъ нашу тарантасъ, и часто какой-нибудь киргизенокъ съ любопытствомъ заглядывалъ къ намъ, но видя такихъ важныхъ персонъ въ форменныхъ фуражкахъ, живобиралъ свою косоглазую рожу. Вылѣзали мы изъ тарантаса торжественно, какъ архіереи какіе. Конечно, не обошлась дорога безъ руготни и криковъ, это уже необходимо, но все-таки рубль, да на часекъ старостѣ—лучшая подорожная. Безъ лошадей за весь путь мы сидѣли всего въ сложности около 11-ти часовъ, это даже очень мало. Почта ходитъ здѣсь въ большомъ порядкѣ, она не имѣетъ права нигдѣ останавливаться; несмотря ни на какую погоду она должна двигаться; можетъ ночевать сбившись съ пути въ полѣ, но никакъ не на станціи; къ приходу почты на станціи всегда должно быть три тройки готовыхъ; всего на станціяхъ имѣется по семи троекъ.

Къ городу Туркестану мѣстность стала оживленнѣе и по флорѣ и по фаунѣ. Какъ то фазанъ перебѣжалъ черезъ дорогу, я очень ясно его видѣлъ: лѣтомъ, говорятъ, ихъ очень много, а теперь все-

такъ холодно и они причнутся въ кустахъ. Сайгаковъ совсѣмъ не видали.

Въ г. Туркестанѣ мы остановились специально часа на четыре, чтобы какъ ориенталистамъ осмотрѣть знаменитую мечеть Ходжа-Ахмедъ-Яссави (Хазретъ-Султанъ), постройку Тамерлана (1336—1405). Дѣйствительно замѣчательное зданіе, громадной высоты, за 20 верстъ видно. Снаружи когда-то оно все было покрыто изразцами, теперь отъ нихъ одни отдѣльные куски остались. Куполь поражаетъ своей высотой и легкостью. Но все зданіе окружено массой какихъ-то глиняныхъ стѣпъ и глиняныхъ же обваловъ, такъ что вблизи зданіе много теряетъ, общій видъ его надо смотрѣть издали.

Внутри вся мечеть бѣлая, алебастровая, михрабъ отдѣланъ пестрымъ орнаментомъ. Замѣчательна чаша для закланія жертвъ (закать).

Надо упомянуть одну легенду о постройкѣ Тамерланомъ великолѣпной мечети въ Туркестанѣ, я слышалъ ее уже въ Ташкентѣ. Мечеть построена изъ жженого кирпича, котораго пошла страшная масса. Постройки въ Средней Азіи дѣлаются изъ сырца (кирпичъ сушеный на солнцѣ) и жженный кирпичъ очень дорогъ, за недостаткомъ горючаго матеріала: въ Ташкентѣ всегда приготавливали жженный кирпичъ для рѣдкихъ случаевъ. Тамерланъ задумалъ всю туркестанскую мечеть изъ такого кирпича сдѣлать. Стали заготавливать его въ Ташкентѣ, а для того, чтобы при перевозкѣ не били его, отъ самаго Ташкента до Туркестана на протяженіи 260 верстъ поставилъ Тамерланъ людей и каждый передавалъ другому по кирпичу изъ рукъ въ руки, но все время постройки. Мысль и исполненіе достойныя правителя, каковымъ былъ Тимуръ¹⁾.

1) Осенью 1397 (799 г.) Тимуръ въ ожиданіи своей невесты Тукель-Ханымъ, дочери Хызр-Ходжа-Хана, отправился въ Ахенгеранъ (стар. Чипазъ). Оттуда въ октябрѣ 1397 г. отправился въ Яссы, поклониться праху святаго Хаджи-Ахмедъ-Яссави и сдѣлать значительное пожертвованіе на возведеніе новаго зданія надъ могилой святаго. Планъ составленъ при Тимурѣ; завѣдывалъ работами раздавалъ милостыни Убейдуллахъ. Назначено два года на работы. Была ли окончена мечеть въ назначенный срокъ неизвестно, въ Туркестанѣ говорятъ, что это было въ 806 (1404 г.). Надпись на великолѣпномъ мѣдномъ сосудѣ (синаетъ), говорить, что сдѣланъ оный въ мѣсяцъ шеваль 801 (1398 г.) работы мастера Абд-ул-Азиза, сына мастера Шерифъ-ед-Дина. Кромѣ могилы святаго Ахмедъ-Яссави, въ мечети находятся могилы: 1) правнучки Тимура Раби-и-Бегимъ, дочери знаменитаго Улугъ-Бека, скончавшейся въ 880 (1475—1476 гг.); 2) Абу-и-Хейрѣ Сулюдж Хану, скончавшагося въ 931 (1524 г.), духъ его сыновей, внука, дочери, знатныхъ лицъ кунгрденанаго рода, туркестанскихъ шейхъ-уль-исламовъ и киргизскихъ султановъ, умершихъ въ первой половинѣ XVI вѣка.

Туркестанъ уже совсѣмъ восточный городъ; мы ходили по базару, видѣли дервишей, востокъ какъ въ сказкахъ арабскихъ. по грязно и воняетъ кунжутнымъ масломъ.

Живо прокатили черезъ Чимкентъ и вотъ конченъ нашъ длинный путь и мы у желазной пристани — въ Ташкентѣ. Изъ Оренбурга мы выѣхали 13-го ноября въ 11 час. утра и прибыли въ Ташкентъ 28-го ноября въ 3 ч. дня.

Послѣдняя станція до Ташкента Хошь-Кепрюкъ; отъ нея вся дорога до города идетъ по заселенному мѣсту, среди садовъ. За 6 верстъ отъ города, у такъ называемой избушки, къ нашему тарантасу лихо подскочилъ джигитъ и подалъ мнѣ записку отъ К. съ приглашеніемъ остановиться у него.

II. Въ Ташкентѣ.

30-го ноября.

Вотъ мы уже третій день какъ въ столицѣ Средней Азіи. Городъ производитъ впечатлѣніе сада, за деревьями почти не видно домовъ, несмотря на то, что листья въ на деревьяхъ нѣтъ. Дома все одноэтажные, многіе красивой постройки. К. занимаетъ отдѣльный домикъ въ четыре комнаты, кухня, дворъ засаженный тополями, открытыя конюшни, помѣщеніе для людей. Здѣсь мы временно и помѣстились.

Улицы въ Ташкентѣ чрезвычайно широкія, извозчики нарные (пристяжкой) лучше петербургскихъ. К. немедленно записалъ насъ въ члены военнаго клуба, гдѣ мы и обѣдаемъ, и завтракаемъ, обѣдъ въ мѣсяцъ стоитъ 9 р., остальное спрашивается по порціямъ. Въ клубѣ вина не пьютъ, все очень скромно, довольствуются пивомъ, завода Иванова, посящаго громкое названіе — Ташкентская Баварія, очень порядочное. Главный буфетчикъ французъ, по фамилии Reveillon и когда лично ему закажешь, то приготавливаютъ отлично. Помѣщеніе клуба очень хорошо. Тапцовальная зала, гдѣ бывають семейные вечера, въ два свѣта съ хорамъ, съ отличной сартовской лѣпной работой. Одна сторона залы образуетъ громадную гостиную съ высокими окнами, на которыхъ висятъ дорогія портьеры; по бокамъ этой главной гостиной, возвышающейся на три ступени надъ паркетомъ залы, идутъ малыя гостиныя, отлично отдѣланныя, каждая въ своемъ родѣ. Весь этотъ шикъ заведенъ еще въ тѣ времена, когда въ Ташкентѣ было много денегъ, въ послѣднее время управленія К. П. фонъ-Кауфмана: все, конечно, стоило очень дорого, все выписывалось изъ Россіи, начиная со столовыхъ сервизовъ и кончая

большими люстрами для залы. Если теперь и поблещь въ мелкихъ частностяхъ общій блескъ, особенно относительно посуды, то все-таки, видъ и тонъ Ташкентскаго клуба чрезвычайно эффектенъ и великолѣпенъ для такихъ далекихъ окраинъ.

Съ чѣмъ еще никакъ не могу примириться, такъ это съ холодомъ, нигдѣ такъ не мерзъ, какъ теперь въ Ташкентѣ. Слѣга нѣтъ, но погода сырая, холодная, а дома, какъ и вездѣ на югѣ, болѣе къ жарѣ приспособлены и потому въ комнатахъ очень свѣжо, хотя приказываемъ топить чуть ли не весь день. Къ вечеру буквально мерзнуть конечности рукъ и ногъ. Надо сказать, что въ большинствѣ старыхъ ташкентскихъ домовъ полы сложены изъ кирпичиковъ и ихъ необходимо покрывать кошмой или коврами, во избѣжаніе холода и пыли.

17-го ноября въ Ташкентѣ было сильное землетрясеніе, давно такого не помнятъ; въ домахъ много трещинъ подѣлало и даже обвалило нѣкоторыя, но смертныхъ случаевъ причинило всего одинъ: задавило въ азійскомъ городѣ ребенка. Теперь ташкентцы боятся, чтобы такое землетрясеніе не повторилось, потому что дома, давшіе трещины могутъ и дѣйствительно обвалиться.

Сегодня гуляли съ К. по главнымъ улицамъ Ташкента. Улицы Московская, Соборная и Романовская, самая лучшая, Невскій и Морская Ташкента, всѣ въ деревьяхъ, а по бокамъ течетъ вода арыковъ. Главный магазинъ съ зеркальными стеклами, магазинъ Захо; можно все пайти пачиная отъ колесной мази до разныхъ ухищреній туалета. Есть здѣсь и родъ гостинаго двора, здѣсь тоже главный магазинъ Захо; кое-какія книги можно найти тутъ же. Захо, Ивановъ и Филатовъ—это монополисты Туркестанскаго Края.

На улицахъ народу не много, все больше сарты въ тюбетейкахъ и чалмахъ; поражаетъ отсутствіе женскаго пола, встрѣтилъ всего трехъ русскихъ дамъ, а сартянки представляютъ родъ движущихся колоды съ наглухо закрытыми чернымъ чинетомъ лицами. Сарты всѣ верхомъ, или на громадныхъ сартовскихъ арбахъ съ колесами въ діаметрѣ болѣе 1½ сажени. Изъ нашихъ, по улицамъ видны все люди служащіе, офицеры, чиновники, солдаты, казаки; нѣтъ простой толпы, къ какой привыкъ въ Петербургѣ. Улицы широкия и только вышеупомянутыя три мощенныя и имѣютъ каменные тротуары. У каждаго дома свой садъ и поэтому дома отстоятъ далеко одинъ отъ другаго. По эта масса зелени и воды должна дѣлать городъ лѣтомъ чрезвычайно привлекательнымъ: теперь, конечно, нѣтъ листьевъ и Ташкентъ имѣетъ видъ голый и грустный. Странныя

здѣсь деревья, благодаря арычному орошенію, обильно питающему корни, и страшно жаркому солнцу, всѣ они тянутся вверхъ и мало раскидистые; вѣтви чрезвычайно тонки, и здѣшній тополь имѣетъ другой видъ, чѣмъ тополь, напримѣръ, въ Кіевѣ. Встрѣчаются, конечно, громадные карагачи тутъ и ива, но на улицахъ ихъ мало; тополь же посаженъ въ два, три ряда и такъ часто, что безъ листвы закрываетъ дома. Въ Ташкентѣ всѣ другъ друга знаютъ, я не говорю знакомы, а знаютъ по фигурѣ, по виду на улицѣ, и каждое новое лицо обращаетъ на себя вниманіе прохожихъ, я самъ чувствовалъ сегодня на себѣ эти взгляды, провожающіе и недоумѣвающіе. Когда я шелъ одинъ по Соборной улицѣ, то какіе то джигиты-сарты, наѣзжавшіе лошадей, сейчасъ же обратили вниманіе, что это новый «тюря»—господинъ и немедленно пристали ко мнѣ, что «тюря» лошадь нужна, необходима, и тутъ же на улицѣ стали производить передо мной пастоящую выводку и джигитовку. Мнѣ лошади понравились, по 100 и 120 р., но говорятъ, что эти джигиты большею частью дрянъ продаютъ. У К. отличныя четыре верховыя лошади и при нихъ двое джигитовъ-кошховъ. Содержаніе лошади въ мѣсяць здѣсь стоитъ всего 6 р., но джигиты дороги, по 12 р. человекъ въ мѣсяць.

Очень оригиналенъ видъ двора у К., совершенно восточный, если не арабскій даже. Здѣсь нѣтъ закрытыхъ конюшенъ, просто только навѣсъ: на лошадей зимой надѣваютъ теплыя попоны, которыя покрываютъ и голову, и привязываютъ ихъ среди двора прямо къ кольцу на землѣ (коль такъ вбить въ землю, что на поверхности остается только кольцо); подъ навѣсъ ставятъ лишь въ особенно дурную погоду. Дворъ обсаженъ деревьями и видъ этихъ привязанныхъ къ землѣ лошадей въ пестрыхъ попонахъ и азіатовъ-кошховъ очень живописенъ и оригиналенъ. Киргизки и сартянки ѣздятъ помужски обыкновенно за спиной своего супруга, это очень романтично, но врядъ-ли было бы удобно для европейской дамы.

3-го декабря.

Попемногу пачинаю осматриваться въ Ташкентѣ, но теперь пошли дожди и туманы; совершенно Петербургская осень, и развѣлась такая грязь на улицахъ, что пѣшкомъ просто ходить невозможно, рискуешь въ грязи даже личные сапоги потерять. Ташкентцы увѣряютъ, что эта грязь еще ничего себѣ, бываетъ хуже. Дѣйствительно, лесовая почва способствуетъ этому. Офицерство ѣздитъ верхомъ. Въ городѣ можетъ быть болѣе мощенныхъ улицъ и тротуа-

ровъ, чѣмъ мнѣ казалось ранѣе, но на нихъ большими арбами и калошами сартовскими нанесено столь много грязи, что только черезъ громадный слой ея чувствуешь твердую мостовую улицы.

Завтра я переѣзжаю отъ К. въ настоящій мусульманскій домъ въ азіятскомъ городѣ. Забота о практикѣ сартовскаго языка представляетъ теперь для меня главный вопросъ. Рекомендовали мнѣ здѣсь очень ученаго муллы Саттаръ-Хана, опъ даже былъ на слѣздѣ оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ въ 1876 г. Я познакомился съ нимъ, долго толковалъ о востокѣ и, видя желаніе мое учиться, опъ предложилъ мнѣ у себя три пустыхъ комнаты; въ одной изъ нихъ заколачиваютъ дверь, ведущую въ гаремъ почтеплага муллы, топятъ и готовятъ помѣщеніе для ученика. Дверь у меня будетъ отдѣльная на улицу, чтобы не тревожить женской половины, и да не соблазнится жены пророка! Ученіе будетъ идти каждый день и по сколько угодно часовъ, будемъ читать по-арабски, по-персидски и практиковаться по-сартовски. Исторія мусульманскаго востока тоже хорошо пойдетъ, Саттаръ-Ханъ считается знатокомъ ея, и у него много хорошихъ рукописныхъ книгъ по этой части.

У муллы Саттаръ-Хана великолѣпная бѣлая чалма, дома опъ ходитъ въ тюбетейкѣ. Сегодня видѣлъ я все внутреннее его помѣщеніе и проходилъ черезъ женское отдѣленіе, при чемъ жены и служанки, здѣсь бывшія, лицъ не закрывали, на томъ, вѣроятно, основаніи, что самъ мулла проводилъ посторонняго человѣка черезъ свой гаремъ. Впрочемъ, не было нужды закрывать лица, столь онѣ некрасивы и непривлекательны. У Саттаръ-Хана двѣ жены, нѣсколько человѣкъ дѣтей и взрослая дочь по имени Хаир-ун-нисса—по-арабски—«лучшая изъ женщинъ». Вся эта публика валялась на полу, на которомъ среди комнаты стоялъ мангалъ (жаровня), покрытый одѣяломъ; женщины лежали по радіусамъ, имѣя ноги у мангала, и до середины туловища тоже покрытыя одѣялами, онѣ грызли орѣхи; тутъ же возились дѣти.

Домъ муллы за Чимкентскими воротами, въ азіятской части города; здѣсь уже восточный видъ, маленькій базаръ. Передъ окнами въ четыре ряда растутъ молодые тополя, имѣющіе теперь видъ торчащихъ изъ земли розогъ и, конечно, течетъ маленький арыкъ. Далѣе идетъ широкая улица, такъ называемое Московское шоссе, по которому прикатили мы сюда. Далѣе взоръ упирается въ глиняную стѣнку, огораживающую какое-то пустое пространство, за которымъ видна опять глиняная стѣна и, наконецъ, на фонѣ—куна деревьевъ. Вся культурная часть Средней Азіи перекрещена, пересѣчена та-

кими стѣнками изъ глины; матеріалъ подъ рукой и всякій хозяинъ-сартъ обведетъ свое владѣніе, часто $\frac{1}{2}$ десятины, стѣной; тамъ у него или поле, или садъ. Всѣ эти стѣнки переплетаются въ такой лабиринтъ, гдѣ разобратся, оріентироваться—нѣтъ никакой возможности. Въ сѣрый день вся эта масса глины имѣетъ грустный, однообразный видъ, но стоитъ только ярко засвѣтить здѣшнему солнцу, даже теперь зимой, то право какъ-то оживаетъ эта глина. Простая стѣнка, на фонѣ группа тополей, синее, глубоко синее небо, и этотъ необыкновенный эффектъ солнечнаго освѣщенія—и вотъ вамъ картинка, для передачи которой найдутся-ли подходящія краски! Сегодня такой прелестный день и, несмотря на грязь, пошелъ я бродить недалеко отъ своей квартиры. Старый волшебникъ-солнце всездѣ живописуетъ чудные сюжеты художнику; такъ бы казалось взять и нарисовать; фотографія тутъ безсильна.

Прислонившись къ ярко освѣщенной стѣнкѣ сидитъ на корточкахъ старикъ-сартъ весь въ лохмотьяхъ, грязный; ясно опредѣлительнѣе его рубища, начиная съ полнившейся, выцвѣтшей, когда-то зеленой, чалмы, нѣтъ никакой возможности, но солнце разукрасило всю эту фигуру такими яркими, новыми красками, преисполнило такой свѣжестью и блескомъ, что стоишь и любишь ея, какъ на прекраснѣйшемъ этюдѣ. Смотря на востокъ съ точки зрѣнія холодной критики, опъ покажется такимъ грязнымъ, оборваннымъ, нищенскимъ, не представляющимъ ужъ ничего поэтичнаго и красиваго; я не былъ въ Багдадѣ, но тамъ говорятъ грязи еще больше, и не могу судить о классическомъ востокѣ, но здѣсь пусть свѣтитъ волшебное солнце и какъ позолотой покроетъ оно землю и пѣзъ бѣднѣйшаго оборваннаго нищаго представить богатѣйшій сюжетъ для красокъ и кисти. Мнѣ говорила одна художница, что весной она здѣсь просто съума сходитъ отъ множества живописныхъ сюжетовъ и недостаточности красокъ для выполненія ихъ.

9-го декабря.

Вчера къ вечеру переѣхали мы на новую квартиру къ муллѣ Саттаръ-Хану. Сегодня весь день устранивались на новомъ мѣстѣ: пришлось обзавестись кое-какимъ хозяйствомъ. Въ домѣ Саттаръ-Хана вода арычаная, почти стоячая, въ такъ называемомъ «хаузѣ» (бассейнъ во дворѣ); все семейство его пьетъ и моется въ подобной водѣ, которую если поставить отстояться, то получаешь громадный осадокъ органическихъ веществъ и ощущается даже легкій запахъ. Но къ нашему счастью въ Ташкентѣ есть водовозы, привозящіе проточную хорошую воду изъ рѣчки Саллара. Теперь у насъ въ перед-

ней стоять огромный глиняный кубиницъ на библейскій манеръ, въ которомъ и сохраняется вода для самовара и умыванія. Относительно воды я очень остороженъ: въ этихъ краяхъ, какъ извѣстно, арычная вода служитъ источникомъ разныхъ, чисто мѣстныхъ болѣзней. Мебели у насъ пока три кровати, шесть простыхъ табуретовъ и три простыхъ стола. Полъ весь покрытъ тростниковымъ чиемъ (родъ плетенки изъ камыша) и сверху паласть. На стѣнахъ висятъ карты, оружіе, а для болѣе восточнаго вида просилъ муллу купить образцы восточной каллиграфіи въ рамкахъ, такъ называемой, «кхатъ». Но вообще видъ пустынный, средне-азиатскій. Завтра начинаются занятія по восточнымъ языкамъ.

16-го января 1887 г.

Самое лучшее для меня время дня это вечеръ; тогда я занимаюсь усердно и часто въ видѣ отдохновенія среди занятій нагѣваю романсы и любимые мѣста изъ оперъ; нѣкоторые грустные мотивы трогаютъ до слезъ моего почтеннаго учителя. Такъ, напримеръ, романсы «Не для меня придетъ весна». Саттаръ-Ханъ не можетъ слушать равнодушно; онъ даже перевелъ слова со своими собственными добавленіями на персидскій языкъ, стихами, и преподнесъ мнѣ. Вечеромъ стоитъ у насъ самоваръ и горячій ромъ ямайскій согрѣваетъ и разгоняетъ иногда унылыя думы присутствующихъ. Теперь постараюсь дать нѣкоторыя болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія объ этомъ ученомъ мужѣ востока, о почтеннѣйшемъ Абд-ус-Саттаръ-Ханъ-Абд-ул-Гафуръ-Ходжа Ишановѣ.

Родители его, благочестивые мусульмане г. Чимкента, уже престарѣлые, живы до сихъ поръ, и до сихъ поръ молятъ аллаха, да направитъ онъ на путь истинной вѣры любимаго сына, сонедшаго съ прямого пути и увлекшагося понятіями и соблазнами невѣрныхъ. Будучи старшимъ муфтіемъ и имамомъ соборной мечети въ Чимкентѣ, чисто сохраняя въ сердцѣ своею пламенную вѣру въ единого Бога и его пророка, довольствуясь малымъ и никогда въ жизни никого не обидѣвъ, отецъ Саттаръ-Хана готовилъ сына на духовную службу. Способность сына къ занятіямъ, пылливый умъ и быстрл память радовали родителей, но совершенно была ихъ радость, когда блестяще кончивъ курсъ въ высшемъ Ташкентскомъ медресе Шукуръ-Ханъ, въ этомъ хранилищѣ мусульманскаго богословія и науки, ихъ сынъ самъ уже муфтіемъ пришелъ въ родной городъ и ревностно раздалась его проповѣдь и страстное чтеніе корана въ родной мечети. «Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Мухаммедъ—Пророкъ его», восклицалъ глубокоубѣжденный юный мулла и поучалъ правовѣрныхъ; а

съ сѣвера шли страшныя, тревожныя слухи, неслась молва, что идутъ урусы и у каждаго изъ нихъ по три глаза, и иѣтъ отъ нихъ никому пощады. Насталъ сентябрь 1864 г. Лучшая пора года въ этихъ краяхъ, когда отдыхаетъ природа отъ страшныхъ духоты и зноя, и населеніе, кончивъ тяжелыя полевыя работы, безопасно наслаждается жизнью и на еще ярко блестящемъ солнышкѣ, и въ уже прохладной тѣни. Но въ этотъ годъ не было спокойствія въ Чимкентѣ, самъ Ташкентскій кушъ-беги, съ коканскимъ войскомъ прибылъ въ Чимкентъ, послѣдніи укрѣпляли глиняныя стѣны, ставили допотошныя пушки и готовились къ отчаянной оборонѣ, исполняя строгое приказаніе свирѣпаго Алимкула, правителя Коканда. Еще ожесточеннѣе, еще фанатичнѣе гремяли рѣчи Саттаръ-Хана, возбуждали и подкрѣпляли правовѣрныхъ на бой, за который тамъ въ раю обѣщана пророкомъ лучшая награда.

Тревога, ожиданіе чего-то неизвѣстнаго господствовали всюду. Часто, въ лучахъ уже заходящаго солнца, творя свой вечерній намазъ, задумчиво взглядывался старый мулла въ уже потемнѣвшую сторону сѣвера; онъ тоже ждалъ, онъ зналъ, что не уйдетъ передъ невѣрными, и поручалъ себя и семью волѣ Божіей.

25-го сентября пришли бѣлыя рубахи. Издалека закружилъ бѣлый дымокъ, но пущенный спарядъ не долетѣлъ до крѣпости. Чимкентцы радовались и сами стали налить изъ своихъ пушекъ. Саттаръ-Ханъ ходилъ по стѣнѣ и любовался красивымъ видомъ пачавшагося дѣла. Русскіе пошли на штурмъ, явилась паника, и забывъ отца, мать, семью, Саттаръ-Ханъ въ толпѣ прочихъ бѣглецовъ бѣжалъ изъ Чимкента въ Ташкентъ. Здѣсь онъ оставался недолго. Самовластный диктаторъ Алимкуль жестоко поступалъ съ бѣглецами, онъ обращалъ ихъ въ солдатъ и за малѣйшій проступокъ наказывалъ смертью. Однажды, глубокой ночью, подвергаясь смертельной опасности быть пойманнымъ, Саттаръ-Ханъ бѣжалъ изъ Ташкента и преданъ русскимъ. Въ немъ приняли участіе наши офицеры; онъ быстро освоился съ русскимъ языкомъ, съ жадностью впитывая въ себя новыя, до сихъ поръ совершенно чуждыя для него идеи; забросилъ все свое мусульманство, и такъ какъ то были времена «годовъ шестидесятыхъ», то не остался чуждъ и идей, такъ называемыхъ, «красныхъ», и наизусть заучилъ имена Дарвина, Дж. Стюарта Мила, Ласалля, Ренана и проч. Сдѣлавшись переводчикомъ при русскихъ властяхъ, Саттаръ-Ханъ быстро пошелъ по лѣстницѣ туземной администраціи и въ концѣ семидесятыхъ годовъ мы видимъ его казіемъ въ новоприсоединенномъ Кокандѣ. Затѣмъ ему что-то не повезло, и въ на-

стоящее время Саттаръ-Ханъ состоитъ преподавателемъ сартовскаго языка въ учительской семинаріи и работаетъ въ редакціи туземной газеты; Саттаръ-Ханъ любитъ пофилософствовать. это какой-то ребяческій лепетъ въ устахъ почтеннаго мусульманина, нынѣ считающаго себя атеистомъ. Европейскія мысли, цивилизація запада коснулись его; онъ съ жаромъ воспринялъ ихъ, но основанія, фундамента, нѣтъ у бывшаго муллы и яраго поклонника религіи ислама. Онъ познакомился и съ Евангеліемъ, которое даже переводилъ на сартовскій языкъ для библейскаго общества. Онъ, конечно, самъ многое вынесъ оттуда, иногда толкуетъ совершенно въ духъ Толстого, но, какъ мнѣ кажется, не могъ онъ, да оно и понятно, схватить истинаго духа ученія Христа, но ясно вывелъ оттуда чисто коммунистическое ученіе и только. Онъ не можетъ понять изреченія, что «Царство Мое не отъ міра сего». Въ вопросѣ о динарахъ и кесарѣ онъ убѣжденъ, что никакихъ податей платить не надо, что это именно хотѣлъ сказать Спаситель и тѣмъ сдѣлать людей счастливыми. Я лично мало пускаюсь въ споры съ Саттаръ-Ханомъ, представляя это Г., но за то стараюсь выжимать изъ него все, что относится до мусульманства, въ особенности, что касается обрядовъ, тонкостей догмы и правилъ религіи. Правовѣрный мулла не покажетъ кафиру, напримѣръ, исполненіе намаза. Благодаря же Саттаръ-Хану я и въ этомъ преуспѣваю. Вчера, вечеромъ, все время былъ занятъ исполненіемъ намаза.

Сначала я записалъ, такъ сказать, уставныя правила, а затѣмъ Саттаръ-ханъ показывалъ на практикѣ, я исполнялъ: оба мы падали ницъ, становились на колѣни, подымались, снова опускались — все по правиламъ и читали слѣдующія молитвы, къ великому соблазну Ивана. Во всей этой процедурѣ много тонкостей, какъ складывать руки, какъ становиться на колѣни, куда держать обращенными глаза, какъ падать ницъ, что при этомъ говорить и проч. и проч. Все это я теперь знаю и, пожалуй, не хуже любого муллы могу продѣлать; а главное, знаю смыслъ, почему, и какъ, и отчего слѣдуетъ, чѣмъ и могу отличиться отъ простаго, неученаго мусульманина, исполняющаго все это только въ силу привычки. Кромѣ того, это дѣйствительно великолѣпная гимнастика, можно устать очень скоро. Теперь мнѣ понятно — отчего пророкъ просилъ у Бога оставить только пять намазовъ, вмѣсто гораздо большаго количества, назначеннаго сначала. Это Моисей, сей знатокъ всѣхъ обрядовъ, надумилъ пророка просить уменьшенія, иначе, навѣрно, погибло бы все мусульманство.

Знакомлюсь также съ исторіей Средней Азіи. Въ здѣшнихъ краяхъ, я не говорю собственно про Ташкентъ, можно найти многое и по части историческихъ рукописей, и по части документовъ ханскихъ, эмирскихъ и проч. Документы, имѣющіеся среди самаго населенія, какъ, напримѣръ: ярлыки на владѣніе землей и вакуфами, представляютъ драгоценный матеріалъ. Я знаю, напримѣръ, что въ Курамѣ, нынѣ Ташкентскій уѣздъ, есть документы времени эмира Тимура.

На все это до сихъ поръ обращено очень мало вниманія; съ такихъ документовъ, какъ Тамерлановы, не снято даже копій. Меня касается собственно мусульманская исторія Средней Азіи, и я ничего не говорю о древностяхъ греко-бактрійскихъ, чуть ли не остаткахъ походовъ Александра Македонскаго. Конечно, постройкѣ, замѣчательныхъ своей древностью, мало на поверхности Средней Азіи, по мечети, медресе и дворцы Самарканда, мечеть Хазрета въ Туркестанѣ представляютъ уже громадныя памятники цвѣтущаго искусства Средней Азіи — довольно и этого. Исторія Средней Азіи работа новая, къ которой дѣлались, да и долго будутъ дѣлаться только попытки: никто изъ ученыхъ сюда не заглядывалъ, а которые и были здѣсь давно, какъ нашъ Ханьковъ, Вамбери и друг., должны были работать въ крайне стѣснительныхъ обстоятельствахъ, еще при ханскомъ правленіи. Сюда много ѣздилъ англичанинъ Борнсъ, Кополли, Форсайтъ и друг., но это все политическіе, такъ сказать, дѣятели, офицеры или натуралисты. Никто изъ ученыхъ ориенталистовъ не хотѣлъ здѣсь пожить да посмотреть хорошенько, да и средствъ къ этому не даютъ, это тоже причина всѣкая: частныхъ ученыхъ обществъ у насъ не существуетъ. Я глубоко убѣжденъ, что потому нѣтъ здѣсь дѣйствительно интереснаго, что мало искали, мало знакомились съ краемъ, но много разорили его, даже и при нашемъ завоеваніи, примѣръ интурмы Черныева, взятіе гор. Чимкента и проч. Надо съ учеными и мусульманами познакомиться, языкъ знать и понять спиританное, а вовсе не несуществующее. Да и какъ не найти въ странахъ, гдѣ жило множество народовъ, гдѣ образовались громадныя имперіи. Что не всѣ они были кочевники это доказываетъ множество слѣдовъ громадныхъ арыковъ, цѣлыхъ рѣкъ искусственныхъ, также и развалины городовъ обширныхъ, какъ напримѣръ, Сауранъ, недалеко отъ Туркестана, который я самъ видѣлъ, проѣзжая, и въ которомъ Лерхе рылъ какую-то ямку въ углу башни и ничего не нашелъ. Вѣдь нельзя этотъ случай принять за доказательство, что вообще ничего не существуетъ. Самъ же Лерхе

въ другихъ мѣстахъ нашелъ много интереснаго и даль покуда, кажется, чуть ли не единственный существующій источникъ по археологич Туркестанскаго края, очень коротенькій, не полный, но тѣмъ не менѣе, чрезвычайно интересный: «Археологическое путешествіе по Туркестанскому краю» Лерхе, СПб., 1870 г.

Конечно, песокъ, убивающій всякую жизнь, заметающій всякій слѣдъ, многое покрылъ вѣчнымъ слоемъ и глубоко скрылъ въ нѣдрахъ своихъ: но вѣдь и Ниневія, и Египеть воскресли изъ-подъ этого вѣкового песку, и Помпею изъ-подъ пепла п лавы открыли. Прошу извиненія за слишкомъ сильное, можетъ быть, сравненіе. Цивилизація Средней Азіи временъ тимуридовъ слишкомъ ничтожна въ сравненіи, но она существовала и не могла, такъ себѣ, безслѣдно пропасть, и если покрываетъ слѣды ея песокъ, то опять таки сравнительно слоемъ гораздо болѣе тонкимъ. Песокъ хорошій хранитель, но, конечно, для этого нужны раскопки громадныя п дорогія. Гораздо болѣе стихій, разоряли Среднюю Азію люди. Движеніе ордъ, борьба національностей и религій, произволь правителей и рѣзня постоянная жестоко отразились на странѣ. Но тѣмъ не менѣе, остались еще слѣды древностей, такъ сказать, движимыхъ. Всякій прѣзжавшій сюда и хоть немного интересующійся археологіей и исторіей успѣвалъ что-нибудь вывезти и изъ монетъ, и изъ рукописей, и изъ утвари древней.

Послѣдній примѣръ—проф. Веселовскій, который былъ здѣсь въ нынѣшнемъ году, собственно говоря, только проѣздомъ, а между тѣмъ привезъ въ Петербургъ нѣсколько очень интересныхъ вещей и, по его порученію, кажется, нѣкій бухарець Ахрамъ Палванъ собралъ уже до нѣсколькихъ тысячъ древнихъ монетъ для Императорскаго археологическаго общества. Результатомъ наблюденій проф. Веселовскаго была статья въ запискахъ восточнаго отдѣла археологическаго общества, гдѣ онъ доказываетъ, что поддѣлокъ древностей въ Средней Азіи не существуетъ и объясняетъ это малымъ спросомъ, а не отсутствіемъ ихъ.

3 января.

У насъ такая холодная зима, что вчера отъ мороза даже голубь залетѣлъ, и теперь Иванъ хочетъ его приручить. Надо сказать, что здѣсь существуетъ двѣ породы голубей, простой русскій голубь (кебутерь; этого приручить очень просто) и голубь, котораго мы называемъ египетскимъ (мусачъ, по здѣшнему). Этыхъ мусачей здѣсь очень много, болѣе чѣмъ простыхъ; они также живутъ въ домахъ, но, какъ говорятъ сарты, ручными ихъ сдѣлать нельзя. Къ намъ по-

пался мусачъ и, несмотря на увѣренія Саттаръ-хана, что онъ даже пищи не будетъ принимать въ неволѣ, нашъ мусачъ пренебрежно клюеть рисъ и теперь сидитъ передо мной на книгахъ и пугливо смотритъ вокругъ. Надо замѣтить, что собственно этотъ видъ голубей долженъ представлять по христіанскимъ вѣрованіямъ Духа Святаго «...и увидѣлъ Іоаннъ Духа Божія: который сходилъ какъ голубь, и ниспускался на Него» (Матѳей III, 16). Въ самомъ дѣлѣ, какое это вдохновенно-удачное представленіе. Мусульманская легенда повѣствуетъ, что птица эта такъ чиста, такъ невлоблива, что однажды прилетѣлъ ястребъ и говорить мусачу, «какой ты глухой голубь, живешь около людей и все не сдѣлаешься домашней птицей: было бы тебѣ гораздо снокойнѣй, лучше, теплѣе». Голубь отвѣчалъ: «я живу около людей, люблю ихъ, но вижу постоянно, какъ нехорошо поступаютъ они и не могу стать домашнимъ, покуда будутъ люди столь несправедливы». Эту легенду рассказалъ намъ Саттаръ-Ханъ, подкрѣпляя симъ то положеніе, что никогда не приручимъ мусача.

Не ожидалъ я видѣть въ Ташкентѣ такой зимы, очень похожа на петербургскую; но ночамъ бываетъ большой морозъ, да и снѣгу въ общемъ было немало.

Всѣ сарты приуныли, холодно имъ; на другого оборванца просто жалко смотрѣть, какъ въ своемъ халатикѣ, накинутомъ часто на голову, въ мелкихъ калошахъ, задаетъ онъ лататы по морозцу. Болѣе всѣхъ жалки верблюды, которые каждый день вереницами проходятъ мимо оконъ моихъ. Живя у Чимкентскихъ воротъ, такъ сказать, на границѣ города европейскаго и азіатскаго, я часто смотрю въ окошко и нахожу много очень интереснаго и иногда невольно смѣюсь при видѣ этихъ халатниковъ и ихъ уличной жизни, а здѣсь, около воротъ, эта жизнь довольно оживлена. Верхомъ на коняхъ, ослахъ, верблюдахъ, въ арбахъ и пѣшкомъ съ утра и до вечера, двигается вся эта публика мимо меня. Вчера я даже на крыльцо вышелъ посмотрѣть скачку двухъ водовозовъ, верхомъ на лошадяхъ, запряженныхъ въ бочки; халаты развѣвались по воздуху, тубетейки на затылкѣ — лихо неслись они по гололедицѣ, падо было видѣти эти рожи, чтобы оцѣнить всю прелесть картины.

Послѣ того шагомъ, спокойно ѣхала другая бочка, поставленная на салазки, на какихъ мальчишки съ горъ катаются. Въ салазки запряжена лошадь на веревочныхъ постромкахъ и рядомъ медленно выступали сартъ въ чалмѣ. «Видѣли—впереди глупость скакала, а сзади идетъ мудрость», сказалъ мнѣ тутъ же стоявшій Саттаръ-Ханъ. И слова эти видимо произвели серьезное впечатлѣніе на кругомъ стоявшихъ сартовъ.

6 февраля.

Я проснулся сегодня в семь часов утра, яркие лучи солнца уже прывалились через шторы в комнату и так весело освещали всю нашу походную обстановку. Г... спалъ, какъ ангелъ, несмотря на этотъ яркий свѣтъ. Кака! прелесть солнце, что за наслаждение несла въ природѣ, какъ хочется вѣкъ дышать свободно, жить, наслаждаться. Я потянулся съ удовольствіемъ и протянулъ руку, чтобы взять съ табуретки папироску и въ то же время приподнял голову. Вдругъ рѣзкая, жгучая и въ то же время невыразимо тонкая боль за ухомъ заставила меня, вздрогнувъ, соскочить съ постели и схватиться за больное мѣсто. Но подушкѣ быстро удиралъ скорпионъ. Злое насѣкомое, разогрѣтое этими же теплыми лучами весеннего солнца, нарушило мое свѣтлое міросозерцаніе! Понявъ въ чемъ дѣло, забывъ о зломъ скорпионѣ, я первымъ деломъ схватилъ бутылочку съ деревяннымъ масломъ, сохранившимся у меня для чистки оружія, и старательно намазалъ укушенное мѣсто, гдѣ сейчасъ же образовалась маленькая опухоль. Г... проснулся и нервно сталъ искать скорпионовъ въ своей кровати. Затѣмъ я вооружился циркулемъ и стаканомъ и предпринялъ охоту на бѣжавшаго врага. Послѣ долгихъ и осторожныхъ стараній я открылъ скорпиона въ складкахъ простыни уже въ погахъ, схватилъ его циркулемъ и бросилъ въ стаканъ, гдѣ онъ и теперь мечется, но уйти не можетъ. Скорпионъ еще молодой, небольшой, около дюйма отъ плечей до конца хвоста, гдѣ помещается тончайшее жало, загнутое какъ шило у сапожниковъ. Укусъ ихъ въ настоящее время совершенные пустяки, въ концѣ же юлія и въ августѣ гораздо серьезнѣе. Но препротивное насѣкомое, да еще въ постели. Сегодня же начнется генеральная чистка и выбивка кроватей; если это молодой скорпионъ, то можетъ быть ихъ и дѣлое семейство обрѣтается — отъ этого сонъ пріятнѣе не будетъ. Иванъ и сарты очень взволнованы этимъ случаемъ. Видно, злое насѣкомое согрѣвалось за моимъ ухомъ и когда я шевельнулъ головой, оно укусило меня и бросилось бѣжать. Укусъ произвелъ ощущение, какъ будто разъ-другой коснулись тѣла тонкой раскаленной проволокой. Теперь я съ удовольствіемъ дразню кончикомъ циркуля эту злюку и наблюдаю какъ оно бьетъ ядовитымъ хвостомъ по стѣшкамъ стакана, при чемъ очень ясно видно, какъ выступаетъ шилообразное жало. Все-таки, съ непривычки, на первы дѣйствуетъ этотъ случай, и Г... ругаетъ весь Туркестанъ, а же успокоиваю его тѣмъ, что въ степи познакомимся еще съ массой фалангъ, а въ Фер-

ганѣ онъ увидитъ маленькаго чернаго паука «каракуртъ», укушеніе котораго почти всегда смертельно, и тогда скорпионъ покажется одной прелестью.

6 марта.

Вчера утромъ проводили мы Г... къ Фергану, куда онъ получилъ назначеніе. Я нанялъ извозчика, чтобы доѣхать съ нимъ до первой станціи.

Сборы въ путь, заѣздъ къ знакомымъ, все это задержало нашъ выѣздъ до 4-хъ часовъ. Наконецъ, тропули. Дорога отъ города до станціи Гирчакъ по качеству пути прескверная; когда то шоссированная, она до того избита арбами, образовавшими глубокія колеи и, кромѣ того, усыпана камнями, довольно крупнымъ булыжникомъ, когда то представлявшимъ мостовую. Но обсаженная большими деревьями, пересѣкая по дырявымъ мостикамъ нѣсколько живописныхъ арыковъ и вся оживленная строеніями, базариками и слующимъ людемъ, она представляетъ веселую картинку восточной жизни; а тутъ еще и освѣщеніе заходящимъ солнцемъ, красиво и оригинально. На шестой верстѣ остановка: передняя ось тарантаса сломалась по срединѣ, ѣхать далѣе не возможно. Ямщикъ выпрягъ лошадей, Хабибъ, человекъ Г... побѣжалъ нанимать арбу, чтобы перегрузить вещи. Мы рѣшили все-таки, что возвращаться въ Ташкентъ не слѣдуетъ, а нужно не унывая трогать впередъ до станціи, тамъ взять перекладную и ѣхать въ Маргеланъ. Кругомъ собралась любопытная толпа и осматривала ось, выражая сожалѣніе о такомъ несчастіи. Перегрузивъ вещи и отправивъ ихъ на арбѣ впередъ, тронули и мы. Г... и Саттаръ-Ханъ на моемъ извозикѣ, а я за недостаткомъ мѣста забрался на верблюда проходившаго мимо каравана и гордо возсѣлъ на спинѣ «корабля пустыни». Отличное животное это очень спокойное на ходу; такъ мягко качаетъ, говорятъ что отъ этой качки можно почувствовать морскую болѣзнь, но на меня нисколько не подѣйствовало — думаю, что это пустяки. Рысью верблюда порядочно трясетъ, но сидѣть все-таки можно отлично. По дорогѣ видѣлъ я зрѣлище тяжелое, это ниція прокаженныя женщины, просившія въ одномъ мѣстѣ по пути милостыню. Около Ташкента есть тоже дѣльнѣйшій кышлакъ прокаженныхъ; они живутъ совершенно отдѣльно и, иногда, въ базарный день выходятъ на дорогу, не переходя камавы, за милостыней. Здѣсь ихъ было четыре женщины, я поспѣшилъ бросить имъ съ верблюда бывшую со мной мелочь и невольно отвернулся, чтобы не видѣть эти ужасныя, изъѣденныя проказой лица в руги. Народъ боится прокаженныхъ, онъ никогда не будетъ

смѣяться и оскорблять ихъ, молва говорить, что если прокаженный обругаетъ кого, призоветъ проклетіе неба, то тотъ человекъ навѣрно самъ сдѣлается прокаженнымъ. Бѣднякъ и тотъ старается дать что-нибудь этимъ, по-истинѣ несчастнымъ, существамъ. Женщины эти сидѣли на землѣ, покрытыя какими-то бѣлыми покрывалами; я изда-лека обратилъ вниманіе на эту группу и думалъ, признаться, не прелестныя ли это дщери востока, но вожакъ каравана, ѣхавшій впе-реди на лошади, замѣтя, вѣроятно, вниманіе мое, обратился ко мнѣ: «тюрю бу яманъ, махао дуръ» — т. е. скверно это, это прокаженный». Проказа называется здѣсь махао.

Такимъ образомъ доѣхали мы до р. Чирчика. Громадное про-странство, устланное галькой и болѣе крупными камнями; среди него только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ быстро текла нѣсколькими рус-лами эта горная рѣка. Во время таянія снѣговъ рѣка заполняетъ все это каменистое пространство, сносить мостъ и дѣлается непроходи-мой. Мы подъѣхали къ мосту, который чинился, вѣроятно для того, чтобы въ іюнѣ быть снесеннымъ. По мосту пускали только пѣшихъ. караванъ же, конные люди и вещи на арбахъ переправляются въ бродъ. Очень интересна и красива эта переправа, въ особенности черезъ среднее широкое русло; теперь она не опасна, но чуть больше воды — и дѣло очень серьезно. Идя по мосту, смотрѣли мы какъ пере-правлялись вещи, иногда казалось, вотъ вотъ снесетъ, но вещи переѣхали благополучно. Затѣмъ переправлялся караванъ, состоявшій изъ верблюдовъ, лошадей и ословъ; красиво, рѣзко выдѣлялись си-луэты животныхъ въ чистомъ вечернемъ воздухѣ. На востокъ горы покрыты снѣгомъ, на западъ разстилалась безконечная равнина. Общая картина напоминала мнѣ Терекъ около Владикавказа, къ тому же Чирчикъ также грозно шумитъ. Солнце совсѣмъ уже закатилось, когда мы пѣшкомъ дошли до станціи и долго еще сидѣли здѣсь на крылечкѣ; ночь наступала быстро, ярко загорались звѣзды. Холодный вѣтерокъ съ рѣки заставилъ забраться въ комнату для пробѣжающихъ; конечно, закипалъ самоваръ, Г... вынулъ дорожную закуску свою и мы рѣшили остаться до разсвѣта на станціи. Утромъ проводили мы Г... и побрели назадъ, частью пѣшкомъ, частью на арбѣ.

М. Шлуттеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

